

Алексей Семенов

СТИХИ
ПОСВЯЩЕННЫЕ
ОСЕНИ

Что нам делать с даром и бременем?
в одномерной луже - во времени?
а страдание света вынести?
а из рабского счастья вылезти?

ошарашенные избранники
отщепенцы скитальцы странники
нищим трагикам в гетто беспечности
препоручена весть о вечности

ее не утаишь
хрипишь оредишь поешь
а мысль неизреченная есть ложь

ВСТУПЛЕНИЕ К ЭЛЕГИИ

пустыня была мрачной и бесплодной
но этого никто не замечал
и то что с ним произошло осталось
вначале незамеченным
ни раскаленный звук
расколотых небес ни шелест крыл
тончайших серафима ничьего
внимания не привлекли
в эфире
гуляли магнетические волны
для ящичков с аппаратурой хитрой
обмениваясь всякой чепухой
машины пожирали недр дары
и словно блохи меряли пространство
земное плоское как бытие червя
и среди треска воя и молвы
знакомых неприятно изумляя
и сам не мог бы объяснить зачем
он сел к столу и от какого тула
возникшего внезапно в голове
избавиться пытался а бумага
все терпит
но кому все это нужно
?

ТРЕТИЙ РИМ

уж сколько минут роковых
и пиров и похмелий
о себе возомнив и мир - как судьбу - покорив
навертели - посмели

избывается ныне строгий срок
имперских законов и правил
в души вернется - ворвется - Бог
в генерале савле взорвется апостол Павел

АРМЕНИЯ ВПЕРВЫЕ

на каменной отмели свежей в кровавых следах потопа
вгрызаясь храмами в скалы-тупика колючей долины
где свечи роняют слезы в сухую живую землю
а небо сухого ковчега дрожит от синего жара
где черный светильник тополь свозь тысячу лет упрямец
в удавке железных колец гора недоступна святая
кресты обнимают старухи в голгофских снах геноцида
а крест принимают дети в радостном древнем обряде

где воздух прозрачно легкий и древний вкусный и честный
где солнцем вода правдива - холодной быстрой и пресной
где розовых гор души одаряют вином и хлебом
стихами цветы прорастают на склонах весной и летом
цветами стихи расцветают в руках писцов благодарных
и вечным знаньем чернеют глаза Богородиц алтарных

ИГРА БЕСА

у каждого в душе
по-видимому
валяется такое же полено
так нет же
то-то я возгордился
вообразив себя Демиургом
не то Пигмалионом
ну и выстрогал себе беса
гносноносого как Буратино
по рецепту Ф.Г.Дорки
черного с зеленым

это точно
у него есть ключик
от каких-то подземелий занятных
где искусства гремит балаганчик
сияет бумажное солнце
трубят деревянные трубы
и куклы рвут картонные страсти
истекая клюквенным соком
оставив землю во власти
карабасам и бульдогам

о да
борьба с бесом
вертким зеленым и черным
весьма страстное дело
/безусловно прав Ф.Г.Дорка/
словно нагишом с голыми руками
сражаешься с комарами
/попробуйте!/
и пятна настоящей крови
и неподдельная ярость
и звонкие точки смерти
пифагорейская музыка движений
чем не коррида
скачешь вертишься рвешься

отбросив форму - к сути
мелкой сути беса
к восторгу посетителей балагана

а небо души бездонно
и музыка света безмолвна
и ангела крылья - словно
формула музыки - форма

потом спохватившись похмельно
- не то! не то!
уткнешься в колени музе
она простит
и дрожащей рукой потянешься
к своей искорке
она настоящая
верю
образ ангела моего
как трудно ее ухватить
и чтобы скорее придти в себя
хватишь стаканчик жгучей метафоры
закусишь соленой рифмой
не спрашивая
кто их подсунул

.....

музы и ангелы
лавры и крылья
звездам души счет
тихо хихикает
носик нанудрен пылью
мой черный зеленый черт

"дорогой уважаемый милая но неважно"

И.Бродский

среди множества пробуждений накопившийся за ночь свет
пробиваясь сквозь утро полоскою узкой
и в котле пожеланий благих помешав деревянной ложкой русск
ой
превращается в день наполненный тусклой
неизбежностью бед

среди множества разной погожести дней никуда не уйдут
карикатурная крепость наемного дома
солнце всосавший песок неподвижно осенний и темный
и мелькнувшее сон тому в ночной полудреме
ощущение пут

среди множества дряхлой бодрости неизвестно о чем
сочиняя слова в телефонную ~~хуху~~ трубку
как десятки сосчитанных дней превратились в почтовые труны
к обращенной изнанке времен спросонья и тупо
прижимаясь плечом

среди множества светлых дорог никакие пути
ни впрямую туда не ведут ни сколько
где таможеню назад или вместе и были собой недовольны
и пространство свернулось ежом и колется больно
невозможность пройти

среди множества пробуждений гудят для чего-то слова
опохмелиться дождем размечтался город
невозможно поверить что в мире есть краски моря и горы
неохота вставать и чувствовать голод
и болит голова

ТЯЖЕЛЫЙ СОНЕТ

в звездных /осколках полынный стыл жар
часть нестая и в ней вся треть вод
комариным величием в трубные сто жал
состоялось крещендо сбывшихся тревог

даже более нежели мы бегл
где сыпучий и острый солен свет
на бархатный южной ночи берет
снегопадные звездные сны спел

в деревянном мундире идолом спит держава
ради наших бесяток черту отодвинь
кто ни холоден ни горяч - тот рассуждает здраво

поднялось до горла уалом сыромятное право
перенывшая кровь как кипящая ртуть хлинь
где горящий светильник и стынет во рту похлинь

И.В.

А на Страстной неделе выпал снег
я заблудился на краю России
паломник маловер и оглашенный печенег
стучался в двери
и меня впустили

Я помню: Воскресению молилася душа
"Христос воскрес" - нищенка - дорога
священник нас полями провожал
и мир лежал в ладони Бога

В рыбацкой лодке переплыв пролив
мы очутились на другой планете
где все грехи себе заранее простив
капризничали
как разбуженные дети

Храни тебя Господь теперь далекий друг
воздушные пути - Россия - Лорелея
искупит возвращенье превращений круг
где церковь светлая белеет

ПЕСЕНКА ДЛЯ ОЛИ В.

посидим что ли
погрустим вволю
за стеклом - лица
было ли - ой-ли

белых - вереница
песня пригодится
белые перья
и птицам - граница

что там за дверью
гадай - не поверю
цыгану да медведю
а зверево - зверю

да кто ж не приедет
да нам ли - о победе
осеннее поле
а носороги - бредят

отыграть роли
отдохнуть вволю
лица те - лица
было ли - ой-ли

.....

что-то теперь случится

ЛЕСНАЯ ЦЕРКОВЬ

И. П.

непонятно самим
но сумели — и выползли
где мгновения рвут золотыми выплесками
времена
когда силы малы твои
припади
и дыханье смешай с молитвами

молчалива исповедь под сводами ельника
крестный ход колокольных кустов можжевельника
в тихой тьме
поднебесных озер сокровища
и поляны купол
где в свете Ты нам откроешься

неуклюжие губы
многословным молчаньем окованы
словно осенью лес
белоснежности ждет зачарованно
словно мир опрокинулся в вечность иконами
как усталый паломник
стоит пред вратами церковными

ПРИЗРАК ПРАЗДНИКА

Одноактная поэма.

Тучи меняют цвет
стекают в золото шпилей
мрамор бывших храмов
и чугун фонарей
потухших в решетках доходного некогда дома
чьих-то напрасных терзаний
копченных зданий
немытой тарелки
в рябой минеральный залив
уперлись прямые углы призраков воплощенного бреда
светлой мечты и темных пророчеств
вздернутой на дыбы
и оставшейся
там
на дыбе
весьма висеть сподручно
и уже тебе
смешанный с гулом
напиток дня и ночи
за окном

но никто не смотрит в окно

в тучи клубится дым

и он меняет цвет

пламя свечи

сувенир

пластырь

лазейка

глоток

мазок

звук

знак

сос

когда уже двадцать пять

и нет еще сорока

в пустых зеркалах вечерних вагонов

короткий всегда смех

волнистый пучок

расплетает волокна в клубы

разинутой сигарет

пачки пасти щербатые зубы

- в стаканах призрак праздника

о надечерицы - пасынки

постыли и постыло

все и все и всем

и нежной безобразницы

дареной лаской ласканы

поставим на четыре - а получаем семь

- к вопросам многоточия

прибиты молоточками

рука - а чья - забыла

любит мой живот

кого я напророчила

безгрешными листочками

кого начало ночи - стучит молчит и ждет

- что вкривь и вкось рассказаны
но руки не развязаны
и не было да сплыло
смех и слов и дел
стаканы слиплись фразами
унылыми и разными
куда он подевался - который что-то пел
- гитары горечь мнимая
затычка для уныния
предчувствие застыло
дым и тьма и свет
и скудной пантомимой
бездействую отныне я
но будем наготове - и сна для спящих нет

благородно изящный
ученый и тонкий эстет
суицидно стойкий
беспомощно вялый
приемный отец
своих тихо скандальных детей
от шлепков блудной матери
не умеющей их уберечь
и с презреньем сердечным
глядя на глупые прятки с судьбой
сохранив и подтонав
свой строгий стройный вид
этот город
его гранит.

а в белесом сумраке туповато задумчивой ночи
мимо плоских декораций отмененных улиц
бездонной топи площадей
и пустой скорлупы соборов
беззвучным воем репетируя новые скандалы
наполняя стаканы прозрачной слезой крокодила
вдыхая тяжелый туман испарений проклятья
корчась на светлой игле в компании монстров

кунсткамеры чьей-то забавы
чуя кусочки тепла как бедуин воду
слепые котята на псарне
бродят по островам и сквозь тысячу арок
любят бедных женщин в пустых наемных квартирах
сгорают среди белой ночи словно надежды и краски
отражаются в мокром асфальте классического в мире болота
цепляются за адреса и номера телефонов
для чего-то

- иногда разлетается в клочья ночь
никогда не откроется дверь
ни смолчать ни помочь ни уйти прочь
рыком звериным рычит зверь
пятиэтажный тих гроб
в стену стучит лоб

- над слепой водой небосвод чист
от окончания мира пуст
век кончен и плоск и желт лист
пламенным воем молчит куст
у бессонницы глуп бред
призрачен звезд свет

- я люблю загорать голая
и плавать в воде ночной
мужские тяжелые головы
шорох травы сухой
мысли спокойно глупые
милый хороший мой
дай я тебя опутаю
спрячу от злости пустой

- в потолке разноцветные лужицы
живота и груди жар
голова под тобой кружится
красной тьмой дорожа
губы мои молочные
сухие твои глаза
ах эти стены непрочные
лишних слов голоса

- эта нежная грубость умелых тел
пушистых колючек блик
не петух ли оцинканный спеть смел
булькнул бульон и сник крик
о возделенный наш дом срам
дойных коров храм

дум пустынных полн
на берегу свинцовых рек
стоять и плакать
и вдаль не углядеть
где камнем горизонт нарушен
болото отражает твердь
небесной лужей

отсель грозил кому-то бомбардир
и катя резалась в орлянку
за тем мостом
о тот гранит
в стихах оперся женой пушкин
теперь трудящийся стоит
он в сад допущен

здесь хоть три года проскачи
ни до какого не доскачешь
все взятки гладки
белый челн
летит на крыльях словно тройка
и ревизор
мечтой исполнившейся полн
им правит бойко

но пыл пророчеств не угас
сводимы имена и сроки
на кухне свет
исчислен мир
мистична трапева за старкой
как командор идет на пир
шаги под аркой

живая пыль нетленных книг
чисты крутых ступеней звуки
крылатый полумрак
красны глаза
спираль раскручена и снова
глухие повторяют голоса
про Свет и Слово

- за нами брани гром и крик
прах пепел и зола
пред нами луч златой и лик
и вести звук и муки миг
и в сердце огненна стрела

- за нами темень горечь гарь
спесь стыд и слепота
пред нами вновь теперь как встарь
любви великой жар и ярь
и таят ложь и немота

- духовный меч и мощь ума
дар веры и молитв
при нас - а злоба и туман
сума и посох и тюрьма
залог победных битв

- нам жребий крут и воздух густ
пусть - в сердце ты пронести
сумей сквозь вопль и хрип и хруст
сошедшую с бессмертных уст
всеоткровенья весть

хрюкствуя цепкой в бурлящей пене
а гениев бури бушуют в стаканах
воспев беззащитно грехи покаянья
изящной цепочкой цветов букиниста
бездумно и пьяно в изломанных душах
ослов буридана простые дилеммы
нанизывать скуку на грязные пальцы
и ждать ли дома унылые вести
как млеет кукушка от строк петушинных

и жить не по лжи погружаясь в трясину
жоглером фуко оскверненной твердыни
а пасху по благу иметь по билетам
наивная стойкость бессвязного смысла
кружковых мэтров манер величавых
все тех же имен составные шарады
где едкий туман но нам ли это
соленый смысл исполнения предчувствий
что самое главное — быть наготове
большой медведицы лапа слепая
бездействия волны расплесканы кругом
о где ты гнездо
и каков же берег

— а что оставим и что сумеем
в каком костре догорят пристрастья
душа на исповеди пустеет
не обрета себе ни причастья
ни передышки в мгновеньях боли
сердце изнашивается как поршень
у механизма и ты не волен
в путях своих
и в чужих тоже

ты вернешься
и все незнакомо до слез
посиневших протухших ночных фонарей
над водою ненужных каналов
вереницы висят
и червивые улицы новых громад
не теснясь
не стесняясь по глине ползут
в ореоле нелепых названий
телефоны молчат изменив номера
заклейменные старостью цифры 2
лишь норе — все длиннее — метро
не страшна и бомбежка

ты вернешься сюда
и застанешь конец
из обглоданной кости высосан мозг
о тяжелая месть вдовицы
итальянско-немецкий порядок и вкус
предумышленной прихоти долог ли век
вот и харя в грязи
обхамела душа
глухо очередь жаждет куска колбасы
бормотуха годна и в психушке
и веселая пьянь разоренных лиц
лишь глаза знакомо устали

ты не нужен уже
наш голландский тильпан
придавивший болото костями пирамид
и молчанием сфинкса приставлен
отраженьем случайным в лохматых глазах лошадей
иероглиф забытый в свитке нового ханства
пустотой исполнивший древних проклятий хрип
сувенирный осколок прогоревшего царства

- последний взгляд и последний дождь
уже и еще зябко
последнего шмона прощальная ложь
гвоздика
автобус
улыбка

- внизу и в прошлом последний блеск
пустой скорлупы ореха
последних нитей неслышимый треск
и оглянись без смеха
